

Рассказы детей из семей старообрядцев г. Бендеры о «страшных местах» и «страшной бабке»

Оксана Федоровна Ежова

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

Аннотация. В данной статье рассматривается практика посещения детьми из семей русских староверов Республики Молдова, из г. Бендеры (непризнанное государство Приднестровская Молдавская Республика), «страшных мест» и рассказы о них. Исследование основано на материале, собранном в экспедиции ИМЛИ РАН и МАЛ МГУ зимой 2020 г. Сообщество староверов г. Бендеры сформировалось в XVIII в., тесно связано с единоверными сообществами Украины, Румынии и России. Это «поповцы», т.е. староверы, которые признают священство, подчиняются так называемой «белокриницкой» иерархии, возникшей на территории, относившейся в середине XIX в. к Австро-Венгрии, в селении Белая Криница. В сообществе с 1960-х гг. проводились исследования древнерусской книжности (специалисты МГУ им. М. В. Ломоносова, группа под руководством И. В. Поздеевой), исследовалась церковно-певческая культура (Н. Г. Денисов), был изучен календарно-обрядовый и свадебный музыкальный репертуар староверов-липован (сотрудники Кабинета народной музыки при МГК им. П. И. Чайковского И. К. Свиридова, Н. М. Савельева, И. А. Савельева). Детские традиционные занятия, как исторические, так и наблюдаемые в наши дни, не описывались. Зафиксированные нами практики трактуются в статье как этап психологического развития детей, свойственный возрасту. Также рассматриваются традиционные для данного сообщества аспекты детско-родительских отношений в связи с посещением детьми «страшных мест». Среди детей из семей русских староверов Молдовы ранее аналогичные исследования не проводились, расшифровка интервью с детьми вводится в научный оборот.

Ключевые слова: фольклор и культура детства, русские староверы, Молдова, Приднестровье, Бендеры, липоване, «страшные места».

Дата поступления статьи: 13 апреля 2021 г.

Дата публикации: 25 июня 2021 г.

Для цитирования: Ежова О. Ф. Рассказы детей из семей старообрядцев г. Бендеры о «страшных местах» и «страшной бабке» // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 2. С. 91–99.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.2.007>

На территории Республики Молдова общины старообрядцев проживают с середины XVIII в. Они пришли на эти земли, спасаясь от преследования в Российской империи. Впоследствии, в начале XIX в., большая часть Молдавского

княжества вошла в состав Российской империи. Старообрядческие сообщества в рассматриваемом регионе — трансграничных областях Украины, Молдовы и Румынии — формировались из разного рода переселенцев-беженцев. Сообще-

ства каждого отдельного населенного пункта, где проживали староверы, динамично менялись по составу. Это было связано с постоянными миграциями, по словам А. А. Пригарина, отображавшими процесс «поиска благочестивой земли, где было бы возможным сохранение своей веры» [Пригарин 2010, 52]. Границы на этой территории постоянно менялись в результате политических и военных действий крупных держав.

Революционные преобразования, начавшись в 1917 г., в 1918-м привели к вхождению Бессарабии в состав Румынии. С 1940 г. Бессарабия в составе СССР, но уже в 1941-м она снова аннексирована Румынией как союзницей нацистской Германии до 1944 г. По рассказам респондентов, в старообрядческих приходах Молдовы и Приднестровья довоенного и военного времени функционировали воскресные школы, а члены общин участвовали в самоуправлении и не преследовались за веру. Но даже и после войны, в советский период, некоторая лояльность местного извода советской власти по отношению к верующим, и конкретно русским староверам, отличала регион.

Уже практически 200 лет происходит изучение приднубайских общин староверов. Источниками знаний о жизни в сообществах староверов в дореволюционный период служили наблюдения и впечатления в первую очередь чиновников или духовенства господствующей Церкви, в чьи обязанности входил надзор за раскольниками, а также труды отдельных собирателей-этнографов, например Николая Ивановича Надеждина [Надеждин 1860]. Описывались истоки возникновения сообщества, легенды, связанные с переселением, численность, хозяйство.

В период «оттепели» начались исследования старообрядческой книжности, уникальной традиции знаменного церковного пения, традиционного обрядового фольклора молдавских староверов. Сообщества старообрядцев продолжали оставаться максимально закрытыми в вопросах своей частной жизни, они выносили на суд исследователей только то, что сами считали допустимым, то, что, по их мнению, не должно было повредить авторитету сообщества. Можно говорить о том, что и в более ранние периоды староверы ограждали и сохраняли свои

практики в области религии и мировоззрения, но были открыты к восприятию экономических и технических новшеств [Таранец 2000, 33–38]. Начиная с 1990-х гг. технологические и экономические изменения жизни во всем мире, еще с начала века набравшие темп, стали стремительными. Эти процессы затрагивают и сообщества староверов. Сохраняя древние формы совершения богослужений, используя в церковном и домашнем обиходе старопечатные книги, современные старообрядцы Молдовы и их дети пользуются сотовой связью и сетью Интернет. Активные прихожане ведут страницы старообрядческих храмов и населенных пунктов, где живут преимущественно старообрядцы, в социальных сетях (например, группа «Старообрядцы со всего мира здесь» [Старообрядцы здесь]).

Фольклор и культура детства староверов Приднубавья отдельно не рассматривались и не описывались.

Наша экспедиция работала в Кишиневе и Бендерах в городских старообрядческих общинах. Беседы с детьми из семей староверов и наблюдения за ними мы проводили преимущественно в г. Бендеры. История бендерского старообрядческого сообщества давняя. В 1819 г. из бывшего тогда старообрядческим центром Бессарабии с. Плоское, а также сел Уховки и Дмитровки было организовано переселение более 3 тысяч староверов в Тираспольский уезд по указу императора Александра I. На указанных территориях возникли и закрепились многочисленные старообрядческие общины, в том числе и в г. Тигин, вблизи турецкой крепости у переправы через Днестр, впоследствии переименованном в Бендеры [Николаев, Донцов 2015, 20–25].

Городские общины староверов тесным образом связаны с сельскими: по ответам наших информантов, и сейчас большинство староверов Бендер родом из старейших старообрядческих сел региона — с. Великоплоское Михайловского района Одесской области, с. Покровка Дондюшанского района Республики Молдова, с. Кицканы Слободзейского района непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (или, по административному делению Республики Молдова, — Каушанского района). Однако, по мнению И. С. Кона: «...в отличие от взрослых,

у которых фольклорные традиции тесно связаны с аграрной средой, в промышленно развитых странах более активными носителями современной детской традиции являются городские дети, а трансмиссия идет из города в деревню» [Кон 2003, 65].

Наряду со специфическими для семей старообрядцев жанрами детского фольклора, такими как рождественские славения, состоящие из церковных текстов, записанных невменной (знаменной) нотацией, среди детей от 6 до 12 лет присутствуют также и достаточно общие для детей данной возрастной группы явления детской традиционной культуры. Среди них интерес вызывает посещение детьми «страшных мест» и заброшенных зданий («заброшек»), а также рассказы о «страшных» «чужих» людях. В компании детей из семей староверов, которых мы интервьюировали в 2020 г. в Бендерах, одному мальчику было 6 лет, остальные члены детского сообщества были старше. Некоторые дети приходились друг другу братьями и сестрами, все были соседями.

Вначале ребята только рассказывали нам о том, что ходят к заброшенному колллектору. В первом интервью про поход на «заброшку» участники беседы: собиратели, А. В. К. — папа трех юных респондентов, мальчик 13 лет, девочка 11 лет, мальчик 8 лет.

1-й фрагмент: <Соб.: А во что вы там играете на улице?> М. 13: «Чаще всего мы просто ходим, куда не знаем». <...> Д. 11: «Мы находим всякие интересные места... заброшки, где мы никогда не были». <...> М. 8: «Это дом, который уже нет... Разбитый». <Соб.: И что вы туда лезете?> А. В. К.: «Так они вам и рассказали!» Д. 11: «Нет, мы просто проходим мимо в места, куда мы... мимо заброшки». М. 13: «Чаще всего мы ходим мимо маленького леса, где очень редко ходит кто-то». Д. 11: «А еще мы видели холм там небольшой». <...> М. 8: «Он как водопад». <Соб.: Там на нем вода течет?> М. 8: «Там на нем не вода. Там на нем... вот зимой, когда мы там... там на нем трава росла, в общем». <Соб.: Даже сейчас, зимой, в холодную зиму, прямо зеленая трава?!> М. 8: «Да, прямо зеленая! Даже не зеленая, а такая — салатная <...>, оно, знаете, как водопад, только там зелень вот так нависает» [ПМА (1)].

Как видно из вышеприведенной расшифровки, никто из участников походов

к некоему заброшенному объекту не знает в точности, что же это. Объект представляется таинственным, обладающим волшебным свойством («прямо зеленая трава водопадом зимой»). Никого из взрослых членов семей дети не оповещают о своем походе в это удивительное место.

На следующий после первой беседы день дети предложили собирателям посетить вместе с ними их «заброшку». Они позвали нас с собой, чтобы показать свой секрет: возможно, они подумали, что мы им не поверили.

Второй фрагмент расшифровки видеозаписи беседы на ходу — на пути к «страшной яме» и около нее. Участники: собиратель, девочка 8 лет, девочка 10 лет, мальчик 6 лет и мальчик 11 лет.

2-й фрагмент: Д. 8: «Мы ходили первый раз когда, мы с... испугались. Мы ходили с... (имя), ... (ей) послышалось какой-то звук, вот этот завод шумел. На другой день мы уже с ... (мальчиком) пошли, гуляли, мы боялись». М. 11: «Они боялись, да. Они вот только до этого забора дошли». Д. 8: «Вот до забора и дальше нам послышалось кто-то». М. 11: «И вы убежали». Д. 8: «Ага». <Соб.: А вы маме рассказываете, что вы сюда ходите?> Д. 8: «Нет, это самый громадный секрет в нашей жизни, если она узнает, то нам попадет, наказаны будем целую вечность <...>». Д. 8: «Я знала это место еще давно...» Д. 10: «А почему боялась тогда?» М. 11: «Вот такая вот трава растет прямо на холме, только она чистая-чистая, эта трава. Вон и холм. Вон он, вон он!» Д. 10: «Пойдем быстрее, там холм огромный!» <...> Д. 8: «Давайте посмотрим, что там!» М. 11 (наклоняясь над ямой): «Я пошел в яму!» <...> М. 6: «Давайте лучше отойдем подальше, а то упадем!» Д. 8: «Давайте лучше уйдем из этого места — мне страшно!» Д. 10: «А мне нет!» М. 11 (заглядывая в другое отверстие): «Нет, я сюда не пойду, мне страшно!» <Соб.: Что там такое?> М. 11: «Там вода!» Д. 8: «А! Мне страшно, уходим отсюда!» Д. 10: «Это — страшная вода жизни!» [ПМА (2)].

На «волшебной» горе с «зеленой травой водопадом» (трава действительно была сочного зеленого цвета) находились цементные резервуары с водой. Возможно, это были сооружения, связанные с заброшенным заводом неподалеку. Место это оказалось глухим, хотя и было недалеко

от места, где жили ребята. Можно сказать, что второй фрагмент расшифровки — коллективный рассказ-описание, вначале — пути, потом цели путешествия — «заброшки», самого объекта страха. К моменту, когда все дети по одному стали заглядывать в воду, эмоциональное напряжение в группе достигло накала, и после слов одной из девочек «Это — страшная вода жизни!» все буквально побежали по тропинке, ведущей к жилым домам, обгоняя друг друга. Мистическая (психологическая) цель — оказаться на границе «обитаемого мира» — таким образом была достигнута. Члены детской группы продемонстрировали друг другу решительность, смелость, затем совместно пережили страх, от которого их не избавило даже присутствие посторонних (собирателей), которые, видимо, для детей не ассоциировались со «своими», «домом», т. е. защитой.

Образы «чужих», «страшных», «не своих» людей — характерный для детского фольклора сюжет. Корень возникновения этого образа можно проследить, опираясь на ход взросления детей. Маленькому ребенку всё запрещено, система окружающих его запретов очень сложная. Какие-то из запретов имеют утвердительную форму: «если будешь делать то-то или то-то» (открывать дверь чужим, шуметь), далее следует обещание наказания. Какие-то — отрицательные: «не будешь делать что-то» (есть, спать), обещание наказания остается и в этом случае неизменным. При этом в качестве наказывающего в родительских устойчивых формулах часто фигурируют «чужой мужик», «бабка Ёжка», «Бабайка», «волчок», «черт». «С одной стороны, — рассуждает М. П. Чередникова, — эта система — важный инструмент в воспитании ребенка, помогающий ему постепенно осваивать культурное пространство, <...> с другой стороны, возможно формирование устойчивой доминанты страха» [Чередникова 2002, 171]. По замечанию А. К. Байбурина, «чужое» начинается там, где кончается «свое», и эта граница путешествует вместе с человеком. В некотором роде подобное путешествие — серия границ, последовательно преодолеваемых. Причем ближайшая кажется главной, пока не преодолена, затем главной становится следующая и т. д. [Байбурин 1991].

В традиционной русской культуре, как, впрочем, и в современных родительских представлениях, за порогом для ребенка начинается «мир чужих», опасный, в силу неосвоенности и постепенно перестающий быть опасным по мере освоения. Представления о «чужих» не были исторически идентичны в различных культурах. М. Мид описывает менее тревожных родителей среди представителей различных племен [Мид 1988]. Для описываемого нами примера важно, что «чужие», «незнакомые» люди считались опасными в историческом русском селе, а в современном городе эти страхи у родителей только усилились. «В условиях города при предельной ограниченности и изолированности семейного, социально безопасного пространства, противопоставление “своих” и “чужих” людей оказывается чрезвычайно злободневным» [Чередникова 2002, 173].

Дети, беседовавшие с нами, относятся к старообрядческому сообществу. С одной стороны, они достаточно полно интегрированы в городские детские сообщества: посещают общеобразовательные и музыкальные государственные школы, бывают на городских общественных мероприятиях. С другой — четко осознают границы своей общины, посещают воскресную школу в приходе, часто бывают у единоверцев в гостях, как в городе, так и за его пределами. История про «страшную старуху», которая не дает им проходу на улице, не вся была записана на аудионоситель. Собственно, о том, что она ругается на них и вообще на детей, юные информанты рассказывали шумно, перебивая друг друга. После этого мы включили диктофон. Ниже следует расшифровка фрагмента записи:

3-й фрагмент, «про страшную старуху»: <Соб.: Она детям грозится?> Д. 11: «Да она вообще не любит...» М. 8: «Она вообще не любит детей!» Д. 11: «Она не разрешает никому! Она мне кучу раз запрещала (ходить мимо ее окна. — Соб.:)» М. 13: «Да, в общем, она не любит детей, она даже взрослых не любит молодых!» М. 8: «А я не понимаю: когда она была сама таким вот ребенком, шо с ней было — она тоже не любила себя?» М. 13: «Не, наверное, у нее другой характер был!» [ПМА (3)]

Как следует из этого фрагмента, дети, назвав ранее старуху «страшной», на

самом деле ее уже не боятся. Это преодоленный страх, пройденная «граница». Фраза «У нее другой характер был!» даже демонстрирует некое сочувствие к «объекту» изжитого страха. Можно предположить, что подобное снисхождение является прямым следствием христианского воспитания в духе милосердия и сострадания к немощным, старым и, возможно, уже потерявшим рассудок.

Фольклор и культура детства — научная область, требующая междисциплинарного подхода в изучении. Еще с начала XX в. в зарубежной и отечественной фольклористике была признана необходимость изучать контекст исполнения тех или иных жанров устного творчества детьми — условия бытования, возраст исполнителей, действия при исполнении и т.п., а также психологические особенности ребенка или подростка-исполнителя, связанные с его возрастом. Еще Г.С. Виноградов, один из пионеров отечественной науки в области изучения фольклора детей, составляя руководство по его сборанию (специфических речевых и песенных жанров, а также обрядов, бытующих в среде детей и не практикуемых взрослыми), писал, настаивая на сотрудничестве фольклористов-этнографов и педагогов-психологов: «Оказывая взаимные услуги, две научные дисциплины — психология и этнография — выиграли бы в своих достижениях. Этнография может воспользоваться психологическими объяснениями многих явлений, подлежащих ее изучению, а в свою очередь изыскания специалистов по детской психологии, надо думать, были бы плодотворнее, если бы опирались на данные этнографии» [Виноградов 1925, 6]. В наши дни Г.А. Комарова отмечает: «Знание истории формирования и развития междисциплинарных научных направлений, учет и использование опыта научной интеграции и междисциплинарной кооперации ученых в проведении совместных научных исследований, их взаимного использования методик в научной практике и т.п. и сегодня как никогда актуальны» [Комарова 2014, 16].

В США родоначальницей подобного, кроссдисциплинарного, подхода к изучению детства была М. Мид, ученица антрополога Ф. Боаса, чья книга и видеоматериалы о взрослении на Самоа оказались

востребованными научным сообществом и широкой общественностью [Mead 1928]. Важной вехой в исследованиях детской культуры и бытующих среди школьников текстов стала также книга английских супругов Опи «Фольклор и язык школьников» [Orie, Orie 1959], а также работа, продемонстрировавшая картину американских дворовых игр, изданная под названием «Одна картошка, две картошки: секретное образование американских детей» другой супружеской парой — Кнапп [Knapp, Knapp 1976].

Предложенный И.С. Коном в Институте этнографии РАН СССР в 1980-х гг. проект исследования этнографии детства, реализовывавшийся под его руководством, включал методы и методики, как традиционные для этнографии, антропологии и фольклористики (наблюдение, включенное наблюдение, описание, беседы), так и принятые у психологов и социологов (тесты, статистические подсчеты и т.п.).

Нельзя также не упомянуть многочисленные исследования детского фольклора и детской культуры различных регионов России, вышедшие с конца 1980-х гг. и до настоящего времени, на которые мы опираемся в анализе вышеприведенных фрагментов. Это книги и статьи М.П. Чередниковой, М.В. Осориной, С.М. Лойтер, С.Б. Борисова, В.Ф. Лурье, А.Л. Топоркова и многих других.

Область страшного, таинственного является важной для человечества начиная с его, человечества, «детства». Мифологические рассказы о Хаосе первозданного мира в культурах разных народов дают исследователям возможность предполагать сходный психологический механизм, скорее всего вызвавший к жизни эти представления. Рассказы о страшном, мучительном, пугающем и непонятном — это особая форма психологической защиты по представлениям современной психологической науки. Человек боится чего-то загадочного, возможно, опасного и необъяснимого. В результате страха он не способен принимать решения и действовать согласно им. Если же ему удастся высказать опасения, описать то, что пугает, он может победить страх. В рассказывании страшных историй или описании страшных приключений детьми есть подобный эмоциональный компонент. Это

практически обрядовое действие. Здесь важны все роли — и рассказчика, и слушателей. Совместное проживание страхов (в процессе слушания) ведет к еще более сильному терапевтическому эффекту [Блинова, Михеева 2012].

В книге М. В. Осориной «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» есть глава, в которой специально рассматривается посещение детьми «страшных мест» [Осориная 2011, 81–94]. В ней исследовательница излагает последовательность возникновения интереса к «страшным» и «заброшенным» местам. Она отмечает, что такого рода походы — это не индивидуальная, а коллективная практика, она связана с опытом взаимодействия детей между собой. Страх проемов, колодцев, ниш появляется у детей спонтанно; в раннем детстве и до появления детской дружественной группы ребенок не знает, как с ним справиться. Во дворе соседних домов естественно складывается детское сообщество с небольшой разницей в возрасте между его членами, максимальная разница между младшим и старшим может быть два или три года. Детям психологически выгодно совершать походы к заброшенным местам совместно: они имеют сходные возрастные проблемы, которые определяют их потребности, они способны понять друг друга и вначале создать, а потом совместно прожить значимые (в том числе «страшные») события. Посещение «страшных мест» группой детей — одна из самых ранних попыток формирования детского мифа о мире. Дети могут начать ходить туда с 5–6 лет, по мнению Осориной, чтобы постоять на границе знакомого и привычного мира с миром непознанным. Это поход навстречу ужасу, попытка активного совладания со страхом. Здесь уместно вспомнить, что младшему из участников нашего похода было именно 6 лет.

Важно рассмотреть еще и такой фактор, как семейная стратегия или модель воспитания. Для современных городских детей характерны определенные страхи, зачастую не только обусловленные возрастом детей, но и связанные с поведением взрослых по отношению к ребенку, с выстроенной взрослыми семейной моделью воспитания. Это может быть модель гиперопеки (для сохранения здоровья

и благополучия ребенку сознательно внушаются страхи, присущие взрослым) и, напротив, модель гипоопеки (ребенок практически полностью предоставлен сам себе). Если у детей отсутствует соответствующая их возрасту группа для социализации и игры, а родители испытывают постоянную тревогу и сознательно ограничивают возможности общения детей в подобных группах, страхи усиливаются [Захаров 2000]. Реплика папы детей в первом фрагменте: «Так они вам всё и рассказали!» наводит нас на мысль, напротив, о некоем невмешательстве родителей в подобную игру детей. Во втором фрагменте интервью дети говорят: «Мы родителям не говорим, это наш самый большой секрет!» Можно предположить, что родители знают о том, что дети куда-то ходят, примерно представляют куда и сознательно допускают эти походы [Горшкова 2015]. Полагаем, что здесь имеет место феномен «авансированного доверия», когда родители демонстрируют ребенку веру в его силы и стремление к хорошему [Леонова 2015].

В ответ на подобную тактику ребенок, как правило, тоже оказывает доверие взрослому и впоследствии его мировоззренческой системе. Семьи со здоровой, гармоничной моделью воспитания часто складываются, опираясь на опыт родительских семей. То есть с некоторой степенью вероятности мы можем утверждать, что наблюдаемое отношение родителей к посещению заброшенных зданий их детьми — закреплённая практика, традиция детско-родительского взаимодействия в наблюдавшихся нами семьях бендерской общины староворов, имеющая, возможно, в том числе и религиозно-философскую подоплеку. Опрос родителей детей о посещении ими в детстве «страшных мест» и заброшенных зданий нами пока не проводился, исследование этой темы можно продолжить в дальнейшем.

Таким образом, в сообществе детей из семей старообрядцев г. Бендеры наблюдаются явления детской субкультуры и связанный с ними фольклор — походы к «страшным местам» и рассказы об этом, а также рассказы о «страшных», «чужих» людях. Проанализированные нами полевые материалы (нарративы, интервью) согласуются с высказанными в научных

источниках тезисами и положениями о том, что подобные явления и тексты связаны с определенным возрастным периодом развития детей и их психологическими потребностями. Также интересным является толерантное отношение к этой

практике взрослых, что, возможно, характеризует исторически сложившиеся, традиционные для данного сообщества детско-родительские отношения и демонстрирует устойчивую воспитательную тактику.

Источники и материалы

Виноградов 1925 — *Виноградов Г. С.* Детский фольклор и быт: Программа наблюдений. Иркутск: [б. и.], 1925. (Библиотека собирателя; Вып. 3).

Мид 1988 — *Мид М.* Культура и мир детства: Избр. произведения / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; Сост., авт. послесл. и отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1988. (Этногр. б-ка).

Надеждин 1860 — *Надеждин Н. И.* О граничных раскольниках // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 1–4. Вып. 1 / Сост. В. Кельсиевым. Лондон: Trübner & Co., 1860. С. 75–166.

ПМА — Полевые материалы автора.

ПМА (1) — *Ежова О. Ф., Литвина Н. В.* Интервью с информантами — детьми и взрослыми, жителями г. Бендеры, староверами, пожелавшими, чтобы их имена не упоминались в статье. 2020 год, зима.

ПМА (2) — *Ежова О. Ф.* Интервью. 2020 год, зима.

ПМА (3) — *Ежова О. Ф.* Интервью. 2020 год, зима.

Старообрядцы здесь — Старообрядцы со всего мира здесь // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/groups/204791849693407/> (дата обращения: 13.04.2021).

Кнарр, Кнарр 1976 — *Кнарр М., Кнарр Н.* One Potato, Two Potato: The Secret Education of American Children. (The MSO Folklore of American Children). N. Y.: W. W. Norton, 1976.

Mead 1928 — *Mead M.* Coming of Age in Samoa. N. Y.: Morrow, 1928.

Орие, Орие 1959 — *Орие I., Орие P.* The Lore and Language of Schoolchildren. Oxford: Oxford University Press, 1959.

Исследования

Байбурин 1991 — *Байбурин А. К.* Ритуал в системе знаковых средств культуры // Эт-

нознаковые функции культуры. М.: МАИК Наука/Интерпериодика, 1991. С. 23–42.

Блинова, Михеева 2012 — *Блинова М. Л., Михеева В. А.* Школьные страхи у детей младшего школьного возраста и пути их преодоления // Психологическое знание в контексте современности: теория и практика: Сб. ст. / Под общ. ред. Л. М. Попова, Н. М. Швецова. Йошкар-Ола: МОСИ: СТРИНГ, 2012. С. 229–232.

Горшкова 2015 — *Горшкова М. А.* Модели семейного воспитания в истории педагогики // Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. № 2. С. 249–252.

Захаров 2000 — *Захаров А. И.* Дневные и ночные страхи у детей. СПб.: Союз, 2000.

Комарова 2014 — *Комарова Г. А.* Этнография детства: междисциплинарные исследования. М.: ИЭА РАН, 2014.

Кон 2003 — *Кон. И. С.* Ребенок и общество. М.: Академия, 2003.

Леонова 2015 — *Леонова И. Ю.* Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмурт. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 34–42.

Николаев, Донцов 2015 — *Николаев Д., Донцов П.* Мир старообрядчества Молдовы. Кишинев: Grafic-Design, 2015.

Осорина 2011 — *Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2011.

Пригарин 2010 — *Пригарин А. А.* Русские старообрядцы на Дунае. Одесса; Измаил; М.: СМИЛ: Археодоксия, 2010.

Таранец 2000 — *Таранец С.* Старообрядчество Подолии. Киев: Ин-т укр. археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины, 2000.

Чередникова 2002 — *Чередникова М. П.* Голос детства из дальней дали... (Игра, магия, миф в детской культуре). М.: Лабиринт, 2002.

© О. Ф. Ежова, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ежова О. Ф. <https://orcid.org/0000-0001-8005-4575>

Аспирант Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел.: +7 (495) 690-50-30; e-mail: oks-ezhova@yandex.ru

Stories of Children from the Families of Old Believers in Bendery About “Scary Places” and “Scary Old Women”

Oksana F. Ezhova

(A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences:
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. This article examines children's practice visiting “scary places” and telling stories about them. These places are visited by children from families of Russian Old Believers in the city of Bendery, Pridnestrovian Moldavan Republic. The study is based on material collected during an expedition sponsored by the Institute of World Literature and Moscow State University in winter, 2020. The community of Old Believers in Bendery was formed in the eighteenth century. Since the 1960s, specialists from Moscow State University (led by I. V. Pozdeeva) have conducted research in the community on ancient Russian literature. Church and song culture was also studied (N. G. Denisov), and research on ethnomusicological phenomena was carried out by the staff of the Folk Music Cabinet of the Tchaikovsky Moscow State University (I. K. Sviridov, N. M. Savelev, I. A. Savelev). They studied the calendar-ritual and wedding musical repertoire of the Old Believers-Lipovans. Children's traditional activities, both historical and those observed today, are not described in the article. Rather, the practices we recorded are interpreted as a stage in children's psychological development. The traditional aspects of child-parent relations in connection with the children's visits to “scary places” are also considered. Such studies have not previously been conducted among children from the families of Russian Old Believers in Moldova, and the article introduces transcripts of interviews with children to the scholarly community.

Key words: folklore and culture of childhood, Russian Old Believers, Moldova, Pridnestrovian Moldavan Republic, Bendery, Lipovans, scary places.

Received: April 13, 2021.

Date of publication: June 25, 2021.

For citation: Ezhova O. F. Stories of Children from the Families of Old Believers in Bendery About “Scary Places” and “Scary Old Women”. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 91–99. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.2.007>

References

Baiburin A. K. (1991) Ritual v sisteme znakovykh sredstv kul'tury [Ritual in the System of the Semiotic Tools of Culture]. In: *Etnoznakovye funktsii kul'tury* [The Ethno-symbolic Functions of Culture]. Moscow: MAIK Nauka/Interperiodika. Pp. 23–42. In Russian.

Blinova M. L., Mikheeva V. A. (2012) Shkol'nye strakhi u detei mladshego shkol'nogo vozrasta i puti ikh preodoleniya [Terrors Among Primary School Children and Ways to Overcome Them]. In: *Psikhologicheskoe znanie v kontekste sovremennosti: teoriya i praktika* [Psychological Knowledge in the Context of Modernity: Theory and Practice]. Ed. by L. M. Popova, N. M. Shvetsova. Yoshkar-Ola: MOSI: STRING. Pp. 229–232. In Russian.

Cherednikova M. P. (2002) Golos detstva iz dal'nei dali... (Igra, magiya, mif v detskoj kul'ture) [The Voice of Childhood from Far Away... (Game, Magic, Myth in Children's Culture)]. Moscow: Labirint, 2002. In Russian.

Gorshkova M. A. (2015) Modeli semeinogo vospitaniya v istorii pedagogiki [Models of Family Education in the History of Pedagogy]. *Pedagogi-*

ka. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika [Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenile Science. Sociokinetics]. 2015. No. 2. Pp. 249–252. In Russian.

Komarova G. A. (2014) *Etnografiya detstva: mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Ethnography of Childhood: Interdisciplinary Studies]. Moscow: IEA RAN. In Russian.

Kon I. S. (2003) *Rebenok i obshchestvo* [The Child and Society]. Moscow: Akademiya.

Leonova I. Yu. (2015) *Doverie: ponyatie, vidy i funktsii* [Trust: The Concept, Types and Functions]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2015. Vol. 25. Iss. 2. Pp. 34–42. In Russian.

Nikolaev D., Dontsov P. (2015) *Mir staroobryadchestva Moldovy* [The World of the Old Believers of Moldova]. Kishinev: Grafic-Design. In Russian.

Osorina M. V. (2011) *Sekretnyi mir detei v prostranstve mira vzroslykh* [The Secret World of Children in the Space of the Adult World]. St. Petersburg: Piter. In Russian.

Prigarin A. A. (2010) Russkie starobryadtsy na Dunae [Russian Old Believers on the Danube]. Odessa; Izmail; Moscow: SMIL: Arkheodoksiya. In Russian.

Taranets S. (2000) Starobryadchestvo Podolii [Old Believers of Podolia]. Kiev: Institut

ukrainskoi arkheografii i istochnikovedeniya im. M. S. Grushevskogo NAN Ukrainy. In Russian.

Zakharov A. I. (2000) Dnevnye i nochnye strakhi u detei [Children's Day and Night Terrors]. St. Petersburg: Soyuz. In Russian.

© O. F. Ezhova, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Oksana F. Ezhova <https://orcid.org/0000-0001-8005-4575>

E-mail: oks-ezhova@yandex.ru

Tel.: +7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Postgraduate Student, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)